

Неофициальный перевод

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО "ХУДОБИН (KHUDOBIN) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ"
(Жалоба N 59696/00)**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Страсбург, 26 октября 2006 года)

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Б.М. Цупанчича, Председателя Палаты,
Дж. Хедигана,
К. Бырсаны,
А. Ковлера,
В. Загребельского,
А. Гюлумян,
Давида Тора Бьоргвинссона, судей,
а также при участии В. Берже, Секретаря Секции Суда,
заседая за закрытыми дверями 6 июля и 5 октября 2006 г.,
вынес в последний указанный день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой N 59696/00, поданной против властей Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Виктором Васильевичем Худобиным (далее - заявитель) 29 октября 1999 г.

2. Интересы заявителя представляла К. Костромина, адвокат, практикующая в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он не получил надлежащего медицинского обслуживания во время нахождения в следственном изоляторе, что условия содержания его под стражей были бесчеловечными и унижающими достоинство, что содержание его под стражей в рамках избранной меры пресечения превысило разумные сроки, что его ходатайства

об освобождении из-под стражи были рассмотрены с большими задержками или вообще не были рассмотрены и, в заключение, что его обвинение было полностью основано на доказательствах, полученных в результате провокации со стороны сотрудников милиции.

4. Жалоба была направлена в Третью Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках указанной Секции в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда была образована Палата, которая должна была рассматривать дело (пункт 1 Статьи 27 Конвенции).

5. Решением от 3 марта 2005 г. Европейский Суд признал жалобу частично приемлемой для рассмотрения по существу.

6. Заявитель и власти Российской Федерации представили дополнительные письменные замечания (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

Факты

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1979 году и проживает в г. Москве.

A. Обстоятельства, приведшие к задержанию заявителя

8. 29 октября 1998 г. Т., являвшаяся сотрудникой органов внутренних дел, работала под прикрытием, позвонила заявителю и сказала, что хочет приобрести дозу героина. Заявитель согласился достать для нее дозу и вместе с М. встретился с Т. на улице. Т. передала заявителю денежные купюры, полученные от сотрудников органов внутренних дел С. и Р., помеченные специальным веществом (которое видно только в ультрафиолетовых лучах). Заявитель взял деньги и отправился домой к еще одному человеку - Г. Последний передал заявителю маленький пакетик, в котором находилось 0,05 грамма героина. По возвращении к месту встречи с предполагаемым покупателем заявитель был задержан сотрудниками органов внутренних дел, ожидавшими его на улице.

9. Заявитель был доставлен в местное отделение милиции, где его пальцы были исследованы под ультрафиолетовыми лучами: на них были обнаружены следы вещества, используемого сотрудниками милиции для пометки банкнот. Т. в присутствии двух понятых передала маленький пакетик сотрудникам милиции, пояснив, что она получила его от заявителя. Пакетик был запечатан, понятые поставили на нем свои подписи, и пакетик был отправлен на экспертизу. Заявителя на ночь поместили в камеру для административно задержанных лиц <*> отделения милиции.

<*> В тексте употреблено выражение "police station.s detention faciliti". В постановлениях Европейского Суда, к сожалению, отсутствует единообразная практика применения выражения "police station", которое может

употребляться для обозначения как отделения милиции, так и района внутренних дел. Таким образом, выражение "police station.s detention faciliti" может обозначать и камеру для административно задержанных лиц (которая имеется в каждом отделении милиции), и изолятор временного содержания, который создают только при районных или городских отделах внутренних дел. В данном деле отсутствует дополнительная информация, которая позволила бы сделать точный перевод по данному вопросу (прим. переводчика).

В. Содержание заявителя под стражей в период предварительного расследования и судебного разбирательства

10. 30 октября 1998 г. заявителю было предъявлено обвинение в сбыте наркотических веществ, и по этому факту было возбуждено уголовное дело. В тот же день прокурор Северо-Восточного административного округа г. Москвы, ссылаясь на обстоятельства задержания заявителя, тяжесть предъявленного ему обвинения и опасность того, что заявитель скроется от следствия, санкционировал заключение заявителя под стражу. Заявитель был переведен в следственный изолятор ИЗ-48/1 г. Москвы.

11. Между тем предварительное расследование было завершено, а материалы дела с обвинительным заключением 24 декабря 1998 г. были направлены в Бутырский районный суд г. Москвы для рассмотрения по существу. 29 декабря 1998 г. Преображенский районный суд г. Москвы направил жалобу об освобождении заявителя из-под стражи в Бутырский районный суд г. Москвы на том основании, что обвинительное заключение было направлено именно в этот суд для рассмотрения дела по существу, и поэтому данный суд должен рассмотреть все аспекты дела заявителя. Адвокат заявителя обжаловал это решение, но 3 февраля 1999 г. Московский городской суд оставил его жалобу без удовлетворения.

12. 13 января 1999 г. на предварительном судебном заседании Бутырский районный суд г. Москвы постановил, не указав при этом мотивов своего решения, что заявитель должен был находиться под стражей на время рассмотрения дела судом.

13. 18 февраля 1999 г. отец заявителя подал в Бутырский районный суд г. Москвы новое ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи, утверждая, что очень плохое состояние здоровья заявителя было несовместимо с условиями его содержания под стражей и, в частности, с качеством медицинской помощи, оказываемой ему в следственном изоляторе.

14. 17 марта 1999 г. суд санкционировал продление срока содержания заявителя под стражей на время судебного разбирательства. Причины такого решения не были указаны.

15. 21 апреля 1999 г. отец заявителя повторно обратился в Бутырский районный суд г. Москвы с ходатайством об освобождении заявителя из-под стражи, снова ссылаясь на имевшиеся у сына проблемы со здоровьем. По

утверждениям заявителя, сторона защиты повторно подала ходатайство 26 и 27 июля 1999 г. Власти Российской Федерации утверждали, что ходатайство от 27 июля 1999 г. поступило в суд только 2 августа 1999 г.

16. 27 июля 1999 г. Бутырский районный суд г. Москвы вынес определение о необходимости проверить состояние психического здоровья заявителя. Суд отложил рассмотрение дела и указал, что заявитель должен был оставаться под стражей. Причины такого решения указаны не были.

17. 30 июля 1999 г. адвокат заявителя обжаловал определение Бутырского районного суда г. Москвы от 27 июля 1999 г. Он оспорил определение суда об отложении рассмотрения дела и о новом медицинском обследовании психического состояния здоровья заявителя, которое привело к продлению срока содержания под стражей заявителя в тяжелых условиях. Адвокат заявителя выдвинул следующее требование:

"В соответствии со статьей 331 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, я (настоящим) требую, чтобы (Московский городской) суд отменил определение Бутырского районного суда об отложении рассмотрения дела в отношении В.В. Худобина, назначении дополнительного психиатрического обследования (заявителя) и об отказе (в удовлетворении) ходатайства об освобождении".

Кассационная жалоба была адресована в Московский городской суд, и, как это требует внутригосударственное законодательство, ее направили через канцелярию суда первой инстанции. В канцелярию жалоба поступила 4 августа 1999 г. Однако, по-видимому, ее так и не направили в кассационный суд для рассмотрения.

18. 17 августа 1999 г. законные представители заявителя направили аналогичные жалобы, которые поступили в канцелярию на следующий день. 1 сентября 1999 г. адвокат заявителя направил письмо в суд первой инстанции, в котором он попросил пояснить, что случилось с его кассационной жалобой от 30 июля 1999 г. На это письмо ответа он не получил.

19. 15 сентября 1999 г. родители заявителя направили на имя заместителя председателя Московского городского суда и в Верховный Суд Российской Федерации жалобы на продолжающееся содержание заявителя под стражей. В материалах дела не содержатся ответы на эти ходатайства.

20. 17 сентября 1999 г. представитель заявителя направил в Бутырский районный суд г. Москвы ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи. Сторона защиты снова ссыпалась на ухудшение здоровья заявителя, в частности, на повторяющиеся случаи пневмонии, которой болел заявитель в течение прошедших трех месяцев.

21. Заявитель находился под стражей до 11 ноября 1999 г., когда суд прекратил рассмотрение уголовного дела в отношении заявителя (см. ниже) и освободил его из-под стражи.

С. Проблемы со здоровьем заявителя в период его содержания под стражей

22. В период с 1995 по 1997 год заявитель страдал от многих хронических заболеваний, таких, как эпилепсия, панкреатит, хронический вирусный гепатит В и С, а также от различных умственных отклонений. Врачи, обследовавшие заявителя в 1995 году, рекомендовали ему амбулаторное психиатрическое наблюдение и лечение антиконвульсантами. Как представляется, на момент задержания в октябре 1998 г. заявитель длительное время принимал наркотические средства, в том числе героин внутривенно.

23. Сразу же после перевода его в следственный изолятор 30 октября 1998 г. заявитель в обязательном порядке прошел полное медицинское обследование, включая анализ крови на ВИЧ, а также анализ на употребление наркотиков и психиатрическое освидетельствование. Анализ на наркотики показал, что заявитель находился в состоянии наркотического опьянения от морфина. Психиатрическая комиссия подтвердила ранее установленные диагнозы, но признала заявителя вменяемым в отношении предположительно совершенных преступлений. 10 ноября 1998 г. были получены первые результаты анализов крови заявителя. Согласно журналу судебно-медицинской лаборатории результат заявителя на реакцию ВИЧ был положительным.

24. 30 ноября 1998 г. психиатр вновь осмотрел заявителя и признал его вменяемым. В неустановленный день в декабре 1998 г. администрацией следственного изолятора была получена медицинская карта заявителя, содержавшая сведения за период до помещения В.В. Худобина под стражу, в которой было указано необходимое заявителю лечение. В частности, заявителю были предписаны антиконвульсанты (финлепсин, конвулекс) и лечение от гепатита (рибоксин, парсил).

25. 23 декабря 1998 г. заявитель прошел еще один медицинский осмотр, в ходе которого были подтверждены ранее установленные диагнозы и по результатам которого было указано, что "заявитель способен принимать участие в судебных заседаниях и в следственных действиях".

26. Во время содержания под стражей заявитель страдал от пневмонии, гепатита, панкреатита, эпилепсии и других тяжелых заболеваний. По причине заболеваний заявителя неоднократно помещали в инфекционное отделение медицинской части следственного изолятора. Как указывала администрация следственного изолятора, заявитель находился в медицинской части следственного изолятора в периоды с 24 декабря 1998 г. по 22 марта 1999 г., с 20 апреля по 18 мая 1999 г., с 19 июля по 12 августа 1999 г., с 17 сентября по 28 сентября 1999 г.

27. Неоднократно представители защиты информировали суд, администрацию следственного изолятора и другие органы государственной власти о тяжелом состоянии здоровья заявителя. Так, 18 января 1999 г. представители заявителя обратились с требованием о проведении всестороннего медицинского обследования заявителя. 22 января 1999 г. отец заявителя направил запрос в следственный изолятор о назначении нового обследования заявителя независимым врачом, приглашенным стороной защиты. Однако администрация следственного изолятора отказалась в

удовлетворении этого запроса.

28. Во время судебного разбирательства заявитель прошел три медицинских обследования состояния психического здоровья. 15 июня 1999 г. врачами было установлено, что заявитель был невменяем в момент совершения инкриминируемых ему действий. В медицинском заключении указывалось, в частности, что заявитель "страдал от хронического психического заболевания в форме эпилепсии с полиморфными приступами и умственными расстройствами и явными помутнениями рассудка с тенденцией к приему наркотиков". В медицинском заключении от 19 октября 1999 г. было подтверждено, что заявитель был невменяем и нуждался в принудительном медицинском лечении.

1. Доводы заявителя

29. 26 апреля 1999 г. приблизительно в 10 часов 40 минут у заявителя случился приступ эпилепсии. Как следует из письменных показаний, подписанных сокамерниками заявителя, им пришлось разжать челюсти заявителя и вставить между ними деревянную ложку, чтобы не дать заявителю задохнуться. Затем пришел дежурный фельдшер и передал сокамерникам заявителя шприц с неизвестным лекарством, который они вкололи заявителю в ягодицу. Отец заявителя обратился с жалобой к администрации следственного изолятора, которая ответила, что заявителю была оказана медицинская помощь "в медицинской процедурной комнате".

30. В мае 1999 г. заявитель переболел корью и пневмонией. 26 июня 1999 г. у заявителя случился еще один приступ эпилепсии. Его перевели в психиатрическое отделение следственного изолятора, где некоторое время он находился под амбулаторным наблюдением и получал антиконвульсанты. Отец заявителя в своем письме от 2 августа 1999 г. Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации указал, что 6 июля 1999 г. у заявителя случился еще один приступ эпилепсии, но медицинской помощи ему оказано не было.

31. 15 июля 1999 г. заявитель заболел бронхопневмонией. По утверждениям отца заявителя, врачи следственного изолятора начали лечение заявителя только через десять дней после того, как появились симптомы заболевания.

32. 17 июля 1999 г. в следственном изоляторе у заявителя против его воли была взята кровь на анализы. Отец заявителя обжаловал эти действия в администрацию следственного изолятора. В письме от 16 августа 1999 г. администрация следственного изолятора указала, что анализ крови был взят шприцом с одноразовой иглой.

33. 21 июля 1999 г. отец заявителя направил в Министерство юстиции Российской Федерации жалобу на плохие условия содержания заявителя под стражей и на отсутствие адекватной медицинской помощи его сыну. 27 июля 1999 г. он направил такую же жалобу в Бутырский районный суд г. Москвы с просьбой освободить заявителя из-под стражи. По утверждениям отца

заявителя, заявитель, несмотря на его постоянно повышенную температуру (+ 40 град. Цельсия), постоянно переводился из одной камеры в другую и не получал соответствующего лечения от пневмонии. Он провел три дня в камере с пациентами с гнойными заболеваниями и спал на полу из-за нехватки спальных мест. Врачи следственного изолятора не установили его иммунологическое и биохимическое состояние, равно как и возможные причины его постоянно повышенной температуры. Отец заявителя хотел передать ему поливитаминные препараты, но администрация следственного изолятора отказалась ему в этом.

34. Бутырский районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства об освобождении заявителя из-под стражи. В тот же день суд по ходатайству прокурора назначил повторную психиатрическую экспертизу заявителя на том основании, что в результатах предыдущей экспертизы, на основании которой заявитель был признан вменяемым, не было указано, требовало ли состояние психического здоровья заявителя принудительного медицинского лечения.

35. В августе 1999 г. мать заявителя обратилась в Министерство юстиции Российской Федерации с жалобой на условия содержания заявителя под стражей и, в особенности, на отсутствие соответствующей медицинской помощи.

2. Доводы властей Российской Федерации

36. Согласно утверждениям властей Российской Федерации заявитель в период с 20 апреля по 18 мая 1999 г. проходил стационарное медицинское лечение в медицинской части следственного изолятора. Его обследовал "лечащий врач", он получил "общеукрепляющее лечение и витаминотерапию". Камера № 735, где содержался заявитель, была оборудована шестью койками, туалетом, кранами с холодной и горячей водой и системой вентиляции. Заявителю были выделены кровать, столовые принадлежности, он был обеспечен трехразовым питанием в день и предметами личной гигиены. Число заключенных в камере никогда не превышало количество спальных мест.

37. Власти Российской Федерации подтвердили, что 26 апреля 1999 г. приблизительно в 10 часов 40 минут у заявителя случился приступ. Сразу же после приступа заявителя обследовал врач, он измерил ему пульс, послушал биение сердца, измерил давление, прощупал живот и сделал укол аминазина внутримышечно. На следующий день заявитель прошел дальнейшее медицинское обследование.

38. Заявителя выписали из медицинской части следственного изолятора в удовлетворительном состоянии здоровья. 26 июня 1999 г. заявителя перевели в камеру № 353 психиатрического отделения медицинской части следственного изолятора. За ним наблюдал врач, и заявитель получал "профилактическую медицинскую помощь". Эта камера также была должным образом оборудована и не была переполнена.

39. Согласно заключению заместителя начальника медицинской части от 23 апреля 2004 г., у заявителя не было приступа эпилепсии во время нахождения в психиатрическом отделении медицинской части следственного изолятора. В психиатрическом отделении он получал лечение антиконвульсантами.

40. Власти Российской Федерации представили копии трех медицинских справок от 29 января, 25 февраля и 27 апреля 1999 г. В них содержалась следующая информация.

41. В первой справке было указано, что заявитель был заражен ВИЧ-инфекцией, страдал эпилепсией, и у него был один приступ эпилепсии во время нахождения в медицинской части следственного изолятора. Состояние здоровья заявителя было оценено как "удовлетворительное". Предоставление любых дополнительных медицинских заключений должно было быть санкционировано следственными органами власти.

42. Во второй справке от 25 февраля 1999 г. было указано, что заявитель был ВИЧ-инфицированным, страдал хроническим гепатитом В и С и эпилепсией. Кроме того, отсутствовали записи о каком-либо приступе эпилепсии в период с 30 по 31 октября 1998 года. 18 февраля 1999 г. заявитель обратился за помощью к психиатру и неврологу. Его выписали из медицинской части следственного изолятора по требованию следственных органов власти в "удовлетворительном" состоянии, что не мешало заявителю участвовать в производстве по делу.

43. В третьей справке от 27 апреля 1999 г. было указано, что заявитель был ВИЧ-инфицированным, а также переболел корью и страдал эпилепсией. Далее в справке указывалось, что "в настоящий момент состояние здоровья заявителя является удовлетворительным", и что заявитель будет готов участвовать в судебном разбирательстве в мае 1999 г.

44. Власти Российской Федерации также представили ряд документов, которые явились отрывками из медицинского заключения. Текст на большинстве страниц был неразборчивым. На страницах, которые можно было прочитать, указывались диагнозы заявителя, но не было информации о характере лечения, назначенного заявителю в медицинской части следственного изолятора, где он содержался под стражей.

D. Рассмотрение дела заявителя по существу

45. 30 декабря 1998 г. Бутырский районный суд г. Москвы получил материалы дела из прокуратуры. Первое предварительное судебное слушание состоялось 13 января 1999 г. В последующие месяцы в рамках судебного разбирательства было проведено несколько судебных заседаний, в ходе которых были разрешены различные процессуальные вопросы. Так, 17 марта 1999 г. суд назначил повторную медицинскую экспертизу психического состояния заявителя и отложил рассмотрение дела. Заключение экспертов было подготовлено к 15 июня 1999 г.; в нем содержался вывод о том, что заявитель был вменяем, но в медицинском заключении имелась рекомендация

относительно возможного принудительного лечения заявителя. 27 июля 1999 г. суд назначил еще одну психиатрическую экспертизу заявителя и снова при этом отложил рассмотрение дела.

46. Первое судебное заседание по существу дела проводилось 11 ноября 1999 г. в присутствии адвоката заявителя. Заявитель на судебном заседании отсутствовал. По ходатайству заявителя суд допустил некоторых лиц к участию в деле в качестве общественных защитников заявителя, включая г-жу Костромину. Им было выделено 30 минут для ознакомления с материалами дела. Адвокат заявителя ходатайствовал об отложении судебного заседания ввиду неявки в суд нескольких свидетелей, в том числе Г., который продал заявителю героин, а также С. и Р., сотрудников милиции, принимавших участие в операции по задержанию заявителя. Однако суд принял решение продолжить рассмотрение дела.

47. Доводы стороны защиты, представленные в суде первой инстанции, могут быть суммированы следующим образом. Защита утверждала, что Т., действуя в интересах милиции, спровоцировала заявителя совершить преступление. Согласно стороне защиты законодательство Российской Федерации запрещает любую форму подстрекательства и провокации; только в случае подготовки конкретного преступления можно проводить операцию под прикрытием. Однако в настоящем деле милиция в ходе планирования "проверочной закупки" не имела доказательств участия заявителя в торговле наркотическими веществами.

48. Далее сторона защиты отметила, что признание было сделано заявителем, когда он находился в состоянии наркотического опьянения, при этом ему не была предоставлена помощь адвоката. Наконец, защита поставила под сомнение достоверность заключения медицинской экспертизы, которая определила изъятое вещество, предположительно проданное заявителем Т., как героин. Защита ссылалась на заявление, подписанное В.В. Худобиным 15 октября 1999 г., в котором он утверждал, что его признательные показания были получены с применением насилия.

49. 11 ноября 1999 г. в ходе судебного заседания Т. дала показания против заявителя. Она утверждала, что согласилась помочь сотрудникам органов внутренних дел добровольно. Она пояснила, что сдала заявителя милиции, "так сказать, по доброте душевной". Она также указала следующее: "В то время я не знала, где достать героин, поэтому я позвонила заявителю, так как раньше он уже доставал его мне".

50. Суд также заслушал М., который находился вместе с заявителем в момент его задержания и в целом подтвердил описание фактов, данное Т. Так, М. рассказал, что до случившегося он доставал наркотики через другие источники. В заключение суд допросил мать заявителя, которая описала характер заявителя. Она пояснила, что не знала, когда ее сын начал принимать наркотики.

51. Бутырский районный суд г. Москвы исследовал документы, вещественные доказательства и заключения экспертов, содержащиеся в материалах дела. В частности, суд исследовал протокол сотрудников милиции,

в котором описывалась "проверочная закупка", и заключение психиатрической экспертизы.

52. В тот же день Бутырский районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в сбыте героина Т. 28 октября 1998 г. В то же время суд, ссылаясь на психиатрическое заключение от 19 октября 1999 г., признал, что заявитель был невменяемым во время совершения преступления и, следовательно, не мог нести уголовную ответственность за свои действия. Суд прекратил производство по уголовному делу и назначил заявителю принудительное медицинское лечение. Заявитель был освобожден из-под стражи.

53. Адвокат заявителя обжаловал это решение, утверждая, что заявитель невиновен, а также, *inter alia* <*>, что сотрудники органов внутренних дел в действительности сфабриковали данное преступление. В частности, отсутствовали прямые доказательства того, что заявитель уже находился под подозрением как торговец наркотиками на момент его задержания. Более того, заявитель не получил прибыли от продажи Т. героина, так как все полученные от нее деньги он передал Г. Помимо этого, суд первой инстанции не допросил лично некоторых ключевых свидетелей, в том числе двух сотрудников милиции, которые задержали заявителя, двух очевидцев его задержания и Г., который продал вещество заявителю. В заключение представители заявителя утверждали, что признательные показания заявителя были получены с применением насилия.

<*> *Inter alia* (лат.) - в числе прочего, в частности (прим. переводчика).

54. 11 января 2000 г. Московский городской суд отклонил кассационную жалобу. Заседание суда кассационной инстанции было проведено в отсутствие заявителя, но в присутствие его адвоката и представителей.

55. 12 апреля 2004 г. Бутырский районный суд г. Москвы на основании ходатайства психоневрологического отделения городской больницы N 19 г. Москвы вынес определение о прекращении принудительного медицинского лечения заявителя.

II. Соответствующие документы Совета Европы

56. Соответствующие выдержки из 3-ого Общего доклада (CPT/Inf (93) 12) Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) звучат следующим образом:

"а. Доступ к врачу

... 35. Медицинская часть тюрьмы <*> должна, по крайней мере, обеспечивать регулярные амбулаторные консультации и срочную медицинскую помощь (конечно, в дополнение там может быть больничное отделение с койками). ...Более того, врачи медицинской части тюрьмы должны иметь возможность обратиться к специалистам...

<*> Европейский Суд использует термин "prison" - тюрьма для обозначения учреждения, в котором содержатся лица, лишенные свободы. Этот термин несколько не согласуется с реалиями российской уголовно-исполнительной системы, в которой тюрьма является лишь одним из видов исправительных учреждений, в которых уже отбывают наказание в виде лишения свободы. Для удобства прочтения в тексте Общего доклада ЕКПП оставлен термин "тюрьма". Однако следует понимать, что ЕКПП имеет в виду любое учреждение, в котором содержатся лица, лишенные свободы: и следственные изоляторы, и исправительные учреждения (прим. переводчика).

Амбулаторное лечение должно осуществляться должным образом врачами; во многих случаях недостаточно, чтобы предоставление реабилитационного лечения зависело от инициативы заключенного.

КонсультантПлюс: примечание.

Нумерация пунктов дана в соответствии с оригиналом.

36. Непосредственный доступ к услугам полностью оборудованного медицинского учреждения должен быть обеспечен как в гражданских больницах, так и медицинских частях учреждений уголовно-исполнительной системы. ...

37. В любой момент, когда заключенные нуждаются в госпитализации или обследовании специалистом в больнице, они должны быть доставлены (туда) незамедлительно и способом, соответствующим состоянию их здоровья".

b. Адекватность оказываемой помощи

38. Медицинская часть тюрьмы должна располагать возможностью оказать медицинскую помощь и уход, так же как и обеспечить соответствующие диеты, физиотерапию, реабилитационный курс или какое-либо другое необходимое обслуживание в условиях, аналогичных условиям, обеспечивающим больным в учреждениях гражданской системы здравоохранения. Аналогичным образом должны быть приведены в такое же соответствие и обеспечение медицинского, сестринского и технического персонала, а также помещения, установки и оборудование.

Должен быть надлежащий надзор за использованием аптеки и распределением медицинских препаратов. Кроме того, составление медицинских препаратов должно всегда доверяться квалифицированным специалистам (фармацевту, медицинской сестре и так далее).

39. На каждого пациента необходимо заводить медицинскую карту, в которой содержатся диагностическая информация, а также регулярные записи об изменении состояния здоровья пациента и о любых пройденных им специальных обследованиях. В случае перевода пациента (в другое учреждение), карточку необходимо направить лечащим врачам.

Кроме того, сотрудникам здравоохранения необходимо вести ежедневные журналы, где указываются особые случаи, произошедшие с пациентами. Такие журналы полезны тем, что предоставляют общую картину ситуации со

здравоохранением в тюрьме и в то же время освещают особые проблемы, которые могут возникнуть.

40. Бесперебойное функционирование системы здравоохранения предполагает, что врачи и сестринский персонал должны иметь возможность регулярно встречаться и образовывать рабочую команду под руководством главного врача в соответствующем учреждении".

III. Соответствующее внутригосударственное законодательство

A. Уголовная ответственность за торговлю наркотиками

57. Согласно части первой статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации наказуемым является преступление в виде незаконного приобретения наркотических веществ без намерения их дальнейшего сбыта. Согласно части четвертой статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации наказуем незаконный сбыт наркотических веществ в крупных размерах.

КонсультантПлюс: примечание.

В тексте документа, видимо, допущена опечатка: имеется в виду статья 410 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а не Уголовно-процессуального кодекса РФ.

58. Согласно статье 21 Уголовного кодекса Российской Федерации ("Невменяемость") лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости вследствие хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики, не подлежит уголовной ответственности. В этом случае суд выносит определение об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания и может установить применение к нему принудительной меры медицинского характера (статья 410 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Однако если суд признает, что отсутствуют достаточные доказательства вины подсудимого, судебное разбирательство должно быть прекращено по этому основанию. В этом случае суд, тем не менее, может применить принудительные меры медицинского характера.

B. Методы расследования

59. В статье 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" от 5 июля 1995 г. перечисляются четкие методы, которые могут использоваться правоохранительными органами или службами безопасности в целях расследования преступления. Согласно пункту 4 части первой статьи

6 данного Федерального закона органы милиции могут проводить "проверочные закупки" запрещенных товаров (например, наркотиков).

60. Согласно пункту 1 части второй статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" для того, чтобы провести "проверочную закупку", сотрудники милиции должны располагать четкой информацией о признаках подготавливаемого, совершающего или совершенного противоправного деяния. Проверочная закупка проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Судебный контроль осуществляется, если в результате проведения проверочной закупки производится вмешательство в личную жизнь, корреспонденцию и нарушаются другие закрепленные Конституцией права. Обычным требованием является заполнение "протокола", где отображаются результаты проверочной закупки. Впоследствии этот протокол можно использовать в качестве доказательства в уголовном судебном разбирательстве. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" регламентирует другие возможные основания проведения "проверочной закупки" (такие, как наличие возбужденного уголовного дела, по поручению следователя, органа дознания, указанию прокурора или определению суда по уголовному делу и так далее), однако эти основания не имеют отношения к существу настоящей жалобы.

С. Содержание под стражей в рамках избранной меры пресечения

1. Основания для задержания

61. "Старый" Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК РСФСР действовал до 2002 года) предусматривал ряд предварительных мер, гарантирующих явку обвиняемого в суд и должное направление правосудия. Такие "превентивные меры", или "меры пресечения" включают в себя подписку о невыезде, личное поручительство, залог или заключение под стражу (статья 89 ранее действовавшего УПК РСФСР).

62. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу мог принять прокурор или судья (статьи 11, 89 и 96 УПК РСФСР). Принимая решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, соответствующий компетентный орган власти должен был рассмотреть, имелись ли "достаточные основания полагать", что он или она скроются от дознания, предварительного следствия или суда или воспрепятствуют установлению истины по уголовному делу, или будут заниматься преступной деятельностью (статья 89 УПК РСФСР).

63. До 14 марта 2001 г. мера пресечения в виде заключения под стражу применялась только в том случае, если лицу было предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок, по крайней мере, один год, либо в

исключительных случаях (статья 96 УПК РСФСР). В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР компетентный орган власти должен также был принимать во внимание тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его или ее занятий, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 91 УПК РСФСР).

2. Сроки применения меры пресечения в виде заключения под стражу

64. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР различаются два вида содержания под стражей в рамках избранной меры пресечения: первый - "во время расследования", это когда компетентный орган власти - правоохранительные или следственные органы - возбудил уголовное дело, а второй - "до суда" (либо "во время судебного разбирательства"), когда возбужденное дело передано на рассмотрение в суд. Хотя на практике разграничений между этими понятиями не было (задержанный содержался под стражей в одном и том же учреждении), сроки исчислялись по-разному.

a) Сроки содержания под стражей "во время расследования"

65. После задержания подозреваемый помещается под стражу "на время расследования". Максимально разрешенный срок содержания под стражей "во время расследования" составляет два месяца, но он может быть продлен на срок до 18 месяцев при наличии "исключительных обстоятельств". Продление может быть санкционировано прокурорами различных уровней, соответствующее решение может быть обжаловано в суд. Не допускается продление срока содержания под стражей "во время расследования" свыше 18 месяцев (статья 97 УПК РСФСР). Срок содержания под стражей "во время расследования" исчисляется по день подачи прокурором дела в суд первой инстанции (статья 97 УПК РСФСР).

b) Срок содержания под стражей "до суда"/"во время судебного разбирательства"

66. С момента направления прокурором дела в суд первой инстанции обвиняемый помещается под стражу "до суда" ("во время судебного разбирательства"). До 14 марта 2001 г. в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР не было установлено сроков содержания под стражей "во время судебного разбирательства". Срок судебного разбирательства не ограничивался (хотя судья должен был начать судебное разбирательство в течение определенного срока после получения материалов дела из прокуратуры).

3. Процессуальные действия по определению законности заключения под стражу

a) В период содержания под стражей "во время расследования"

67. Задержанный, его или ее адвокат или представитель могут обжаловать в суд постановление прокурора о содержании под стражей или иное соответствующее постановление о продлении срока содержания под стражей. Судья должен проверить законность и обоснованность применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, равно как и обоснованность продления срока содержания под стражей не позднее трех суток со дня получения соответствующих документов. Судья может оставить жалобу без удовлетворения или отменить меру пресечения в виде заключения под стражу и освободить лицо из-под стражи (статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР).

68. Решение судьи может быть обжаловано в вышестоящий суд. Кассационная жалоба должна быть рассмотрена в течение такого же срока, как и жалоба на постановление или определение по существу дела (статья 331 УПК РСФСР, *in fine <*>*).

<*> In fine (лат.) - в конце (прим. переводчика).

b) Во время судебного разбирательства

69. После получения материалов дела судья должен определить, в частности, должен ли обвиняемый оставаться под стражей или его необходимо освободить до судебного разбирательства (часть пятая статьи 222 и статья 230 УПК РСФСР), и вынести решение по существу ходатайство обвиняемого об освобождении из-под стражи (статья 223 УПК РСФСР). Если в удовлетворении ходатайства отказано, то новое ходатайство можно подать, только когда начнется судебное заседание (статья 223 УПК РСФСР). Во время судебного разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого, включая заключение под стражу (статья 260 УПК РСФСР).

70. Кассационная жалоба на такое постановление подается в вышестоящий суд. Она должна быть подана в течение десяти дней и рассмотрена в течение такого же срока, как и кассационная жалоба на постановления по существу дела (статья 331 УПК РСФСР).

D. Отношения между адвокатом и клиентом;
действия в чужом интересе без поручения

71. Законное представительство клиента в судебном разбирательстве, как правило, регулируется договором поручения или агентским договором (главы 49 и 52 Гражданского кодекса Российской Федерации). В дополнение глава 50 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает действия в чужом интересе без поручения: одно лицо может действовать в интересах

другого для предотвращения вреда его личности или имуществу и защиты или... его законных интересов, и тому подобное. Если лицо, в интересах которого предпринимаются действия без его поручения, одобрят эти действия, к отношениям сторон в дальнейшем применяются правила о договоре поручения (статья 982 Гражданского кодекса Российской Федерации). Следовательно, заинтересованное лицо возмещает необходимые расходы, понесенные лицом, действовавшим в чужом интересе (статья 984 Гражданского кодекса Российской Федерации).

I. Предварительные возражения властей Российской Федерации

72. В 2006 году в рамках вопроса о предоставлении заявителю правовой помощи власти Российской Федерации возражали против участия Костроминой в рассмотрении жалобы Европейским Судом. В частности, власти Российской Федерации указали, что доверенность от 22 марта 2000 г. была подписана, скорее, матерью заявителя, а не самим заявителем. Поскольку на тот момент заявитель уже был совершеннолетним, он должен был подписать доверенность сам. Более того, в доверенности не было подписи Костроминой, что, по мнению властей Российской Федерации, делало документ недействительным. Власти Российской Федерации обратились в Европейский Суд с просьбой получить от заявителя личное письменное одобрение каждого из документов, представленных от его имени г-жой Костроминой, или исключить дело из списка жалоб, рассматриваемых Европейским Судом.

73. Вначале Европейский Суд напоминает, что согласно правилу 45 Регламента Суда, письменная доверенность действительна для целей рассмотрения жалобы Европейским Судом. В конвенционной практике отсутствуют специальные требования к такого рода документам, даже если во внутригосударственном законодательстве такие требования и содержатся (см. Решение Европейского Суда по делу "Носов против Российской Федерации" (Nosov v. Russia) от 20 октября 2005 г., жалоба N 30877/02, см. также Решение Европейского Суда по делу "Моисеев против Российской Федерации" (Moiseyev v. Russia) от 9 декабря 2004 г., жалоба N 62936/00; Решение Европейского Суда по делу "Исаева и другие против Российской Федерации" (Isayeva and Others v. Russia) от 19 декабря 2002 г., жалобы N 57947/00, 57948/00 и 57949/00).

74. Что касается подозрения властей Российской Федерации о том, что заявитель не заверил полномочия Костроминой представлять его интересы в судопроизводстве в г. Страсбурге, Европейский Суд полагает, что обе стороны судебного разбирательства, заявитель и власти Российской Федерации, действовали добросовестно; заявление, опровергающее это предположение, должно быть подкреплено соответствующими доказательствами. Как следует из материалов дела, Костромина представляла интересы заявителя во внутригосударственном судебном разбирательстве (см. выше § 46). Мать

заявителя, которая подписала соглашение на имя Костроминой, была также одной из представителей заявителя в суде первой инстанции. Сам же заявитель, как видно из решения Бутырского районного суда г. Москвы от 11 ноября 1998 г., был душевнобольным и нуждался в принудительном медицинском лечении. Естественно, что при таких обстоятельствах мать заявителя, действуя от его имени, выбрала Костромину в качестве его законного представителя. Далее, в декларации о доходах, подписанной заявителем, Костромина была указана как его представитель. В заключение, власти Российской Федерации выдвинули рассматриваемый довод только на продвинутой стадии судебного разбирательства.

75. В этом отношении Европейский Суд убежден, что жалоба была правильно подана и что Костромина была должным образом наделена полномочиями для представления интересов заявителя в суде. Возражения властей Российской Федерации в этой части должны быть отклонены.

II. Предполагаемое нарушение Статьи 3 Конвенции

76. В соответствии со Статьей 3 Конвенции заявитель жаловался на отсутствие медицинской помощи в медицинской части следственного изолятора, а также на бесчеловечные условия содержания под стражей. Положения Статьи 3 Конвенции звучат следующим образом:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Доводы сторон

77. Власти Российской Федерации настаивали на том, что заявитель получал необходимое лечение, находясь под стражей, что камеры медицинской части следственного изолятора не были переполнены и были надлежащим образом оборудованы (см. выше § 36). Каждая жалоба представителей заявителя была тщательно рассмотрена, и в срок были представлены обоснованные ответы. Действительно, 26 апреля 1999 г. у заявителя случился припадок. Однако заявитель был незамедлительно осмотрен дежурным врачом, и получил квалифицированную медицинскую помощь. Письменное заявление, подписанное сокамерниками заявителя, которые не владели специальными медицинскими знаниями, не должно использоваться в качестве доказательства. Власти Российской Федерации сделали вывод о том, что жалобы заявителя на основании Статьи 3 Конвенции были необоснованными.

78. Заявитель настаивал на своих утверждениях. Он заявил, что его описание условий содержания под стражей и качество медицинской помощи, оказанной ему в медицинской части следственного изолятора, были верными (см. выше § 29). Органы государственной власти были в полной мере осведомлены о его болезнях. Отец заявителя неоднократно узнавал о состоянии здоровья его сына. Однако все ответы, полученные из медицинской

части следственного изолятора, были общего характера и не содержали подробной информации о лечении болезней заявителя. Заявитель особо подчеркнул случай 26 апреля 1999 г., когда у него случился приступ эпилепсии, но квалифицированной медицинской помощи ему оказано не было.

В. Мнение Европейского Суда

1. Медицинская помощь

79. Европейский Суд отмечает, что стороны процесса представили разные оценки медицинской помощи, полученной заявителем в медицинской части следственного изолятора. Следовательно, Европейский Суд начнет рассматривать жалобы заявителя на основании Статьи 3 Конвенции с установления фактических обстоятельств, относящихся к этой части его жалобы.

а) Установление фактов

80. Европейский Суд напоминает о своей правоприменительной практике, подтверждающей стандарт доказывания как "вне всякого разумного сомнения" при оценке доказательств (см. Постановление Европейского Суда по делу "Авсар против Турции" (Avsar v. Turkey), жалоба N 25657/94, ECHR 2001, § 282). Такое доказывание может следовать из совокупности достаточно надежных, четких и последовательных выводов или аналогичных нерушимых презумпций фактов. В том случае, если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции органов государственной власти, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, в отношении вреда, полученного во время такого содержания под стражей, возникает явная презумпция фактов. В таких случаях органы государственной власти должны представить достаточное и убедительное объяснение (см. Постановление Европейского Суда по делу "Салман против Турции" (Salman v. Turkey), жалоба N 21986/93, ECHR 2000VII, § 100). При отсутствии такого объяснения Европейский Суд может сделать выводы, неблагоприятные для государства-ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу "Орхан против Турции" (Orhan v. Turkey) от 18 июня 2002 г., жалоба N 25656/94, § 274).

81. В настоящем деле заявитель утверждал, что, находясь под стражей, он не получил надлежащего лечения своих заболеваний. Однако он не представил медицинских документов, которые бы указывали на характер лечения, которое он все же получил, находясь под стражей, если таковое имело место.

82. Тем не менее Европейский Суд напоминает, что в определенных обстоятельствах бремя доказывания может быть переложено с заявителя на власти государства-ответчика (см. выше § 80). Возникает вопрос о том, можно ли этот подход применять *in casu <*>*. Для того чтобы ответить на данный

вопрос, Европейский Суд рассмотрит существующие доказательства и обстоятельства дела, признанные обеими сторонами судопроизводства.

<*> In casu (лат.) - в данном деле (прим. переводчика).

83. Во-первых, не оспорен тот факт, что в момент задержания заявитель имел несколько хронических заболеваний, таких, как эпилепсия, панкреатит, вирус гепатита В и С, так же как и различные умственные отклонения. Помимо этого он был ВИЧ-инфицированным. Власти Российской Федерации не отрицали, что некоторые из названных заболеваний угрожали жизни заявителя, были известны органам государственной власти, и что они требовали постоянного медицинского наблюдения и лечения врачами. Органы государственной власти должны были вести записи о состоянии здоровья заявителя и лечении, которое он получил во время содержания под стражей (см. приведенный выше в § 56 Общий доклад ЕКПП "О стандартах здравоохранения в местах лишения свободы").

84. Европейский Суд с озабоченностью отмечает, что во время содержания под стражей заявитель переболел несколькими серьезными заболеваниями, такими, как корь, бронхит и остшая пневмония. У него также было несколько приступов эпилепсии. Хотя его повторяющиеся болезни могут быть частично объяснены его имевшимися заболеваниями, а именно тем обстоятельством, что он был ВИЧ-инфицированным, факт резкого ухудшения его здоровья в медицинской части следственного изолятора вызывает определенные сомнения относительно адекватности медицинского лечения, доступного в этом учреждении (см. Постановление Европейского Суда по делу "Фарбтух против Латвии" (Farbtuhs v. Latvia) от 2 декабря 2004 г., жалоба N 4672/02, § 57).

85. Европейский Суд также отмечает, что заявитель выразил властям свое недовольство в то время, когда от властей разумно можно было бы ожидать принятия соответствующих мер. Заявитель в своих ходатайствах подробно и четко описывал свои проблемы со здоровьем. У органов государственной власти имелись записи истории болезни заявителя, и власти были осведомлены о сделанных гражданскими врачами рекомендациях относительно необходимого медицинского лечения.

86. Кроме того, по крайней мере дважды отец заявителя обращался к администрации следственного изолятора с просьбой о проведении независимого медицинского обследования состояния здоровья заявителя. Однако эти просьбы не были выполнены: как видно из медицинской справки, представленной властями Российской Федерации, проведение какого-либо последующего медицинского освидетельствования заявителя было возможно только по инициативе следственных органов власти. Вызывает тревогу тот факт, что вопрос о медицинском обследовании заявителя был оставлен на усмотрение следственных органов власти: следователю, а не врачу, необходимо было решить вопрос, нуждался ли заявитель в каком-либо дополнительном медицинском обследовании. При таких обстоятельствах

достаточно сложно согласиться с возражениями властей Российской Федерации в том, что заявитель не нуждался ни в каком дополнительном медицинском обследовании или лечении.

87. В заключение один эпизод вызывает особое сожаление, а именно тот, который произошел 26 апреля 1999 г. Заявитель утверждал, что в названный день его сокамерникам пришлось сделать ему укол, чтобы остановить приступ эпилепсии. В подтверждение этого довода заявитель представил письменное заявление, подписанное его сокамерниками. Европейский Суд обращает внимание на довод властей Российской Федерации о том, что это заявление не может использоваться в качестве доказательства, так как сокамерники заявителя не являлись специалистами в области медицины. Однако не обязательно нужно иметь профессиональные знания для того, чтобы сказать, что инъекция не была сделана сотрудниками медицинской части следственного изолятора. Нет причин полагать, что сокамерники заявителя, которые подписали заявление, лгали. С другой стороны, власти Российской Федерации не представили каких-либо записей относительно данного инцидента. Следовательно, Европейский Суд соглашается с версией событий в изложении заявителя об инциденте 26 апреля 1999 г. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что медицинская помощь, оказанная неквалифицированными людьми, не может быть признана как надлежащая (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Фарбтух против Латвии" (Farbtuhs v. Latvia), § 60).

88. В общей сложности совокупность указанных факторов свидетельствует в пользу утверждений заявителя о том, что медицинская помощь во время его содержания под стражей была ненадлежащей. При этих обстоятельствах власти Российской Федерации должны были опровергнуть доводы заявителя. Однако власти Российской Федерации не представили каких-либо документов, которые могли бы объяснить, какая медицинская помощь была оказана заявителю, когда она была осуществлена и кем (см., *mutatis mutandis <*>*, Постановление Европейского Суда по делу "Островар против Молдавии" (Ostrovar v. Moldova) от 13 сентября 2005 г., жалоба N 35207/03, § 86). Доводы Российской Федерации в этом отношении были неопределенными и плохо обоснованными. Так, власти Российской Федерации в своих доводах указали, что заявитель получал "восстановительное лечение и витаминную терапию". Это очень расплывчатое утверждение, которое требует дальнейшего разъяснения. Далее, власти Российской Федерации не уточнили, получил ли заявитель или нет лекарства, прописанные гражданскими врачами (см. выше § 24). В том, что касается медицинских справок и выписок из медицинской карты заявителя, представленных властями Российской Федерации (в той степени, в которой они были разборчивыми), они лишь подтверждали диагнозы, а не содержали информацию относительно характера полученного заявителем лечения или какого-либо дополнительного обследования, которое он прошел. Соответственно, Европейский Суд считает, что власти Российской Федерации не представили правдоподобных объяснений ухудшения состояния здоровья

заявителя во время его содержания под стражей.

<*> *mutatis mutandis* (лат.) - с соответствующими изменениями (прим. переводчика).

89. Следовательно, Европейский Суд соглашается с предоставленным заявителем описанием состояния его здоровья и описанием медицинской помощи, полученной во время содержания под стражей. В частности, Европейский Суд соглашается с тем, что в апреле и июле 1999 г. у заявителя случились приступы эпилепсии, но он не получил квалифицированной и/или своевременной медицинской помощи. Во время содержания заявителя под стражей органы государственной власти не наблюдали за его хроническими заболеваниями и не оказали соответствующую медицинскую помощь, что ухудшило состояние здоровья заявителя и увеличило вероятность появления новых заболеваний, а именно хронической пневмонии. Один раз, когда у заявителя поднялась высокая температура, его поместили в медицинскую часть следственного изолятора с лицами, у которых были гнойные заболевания. В июле 1999 г. он заболел бронхопневмонией, но не получал медицинской помощи в течение десяти дней. Европейский Суд исследует вопрос о том, относились ли эти факты, рассмотренные совместно с другими соответствующими обстоятельствами дела, к "бесчеловечному или унижающему достоинство обращению", как утверждал заявитель.

b) Рассмотрение жалобы

90. Европейский Суд напоминает, что Статья 3 Конвенции гарантирует одну из основных ценностей демократического общества. Положения этой статьи запрещают осуществление пыток или бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания, независимо от сложившихся обстоятельств и поведения потерпевшего (см. Постановление Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy) от 6 апреля 2000 г., Reports of Judgments and Decisions 2000 IV, § 119).

91. Европейский Суд далее напоминает, что согласно его правоприменительной практике жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под положение Статьи 3 Конвенции. Понятие такого минимума относительно; этот уровень зависит от обстоятельств конкретного дела, таких, как продолжительность жестокого обращения, его физические и моральные последствия и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см. Постановление Европейского Суда по делу "Ирландия против Соединенного Королевства" (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., Series A, N 25, p. 65, § 162). Хотя цель такого обращения является фактором, который необходимо принимать во внимание, в частности, было ли направлено на то, чтобы оскорбить или унизить потерпевшего, отсутствие такой цели не означает с неизбежностью, что отсутствовало нарушение Статьи 3 Конвенции

(Постановление Европейского Суда по делу "Пирс против Греции" (Peers v. Greece), жалоба N 28542/95, ECHR 2001III, § 74).

92. В исключительных случаях, когда состояние здоровья задержанного является абсолютно несовместимым с содержанием его под стражей, Статья 3 Конвенции требует освобождения такого лица под определенные условия (см. Решение Европейского Суда по делу "Папон против Франции" (N 1) (Papon v. France (no. 1), жалоба N 64666/01, ECHR 2001VI; Решение Европейского Суда по делу "Прибке против Италии" (Priebke v. Italy) от 5 апреля 2001 г., жалоба N 48799/99). Существуют три определенных элемента, которые необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о соответствии состояния здоровья заявителя условиям содержания его под стражей: а) состояние здоровья заключенного; б) надлежащий характер медицинской помощи и обслуживания, оказываемого в местах содержания под стражей, и с) целесообразность применения меры пресечения в виде заключения под стражу с учетом состояния здоровья заявителя (см. Постановление Европейского Суда по делу "Муизель против Франции" (Mouisel v. France), жалоба N 67263/01, ECHR 2002IX, § 40 - 42).

93. Однако Статья 3 Конвенции не может истолковываться как общее обязательство освобождать задержанных из-под стражи по состоянию здоровья. Она, скорее, налагает на органы государственной власти обязательство охранять физическое благополучие лиц, лишенных свободы. Европейский Суд соглашается с тем, что медицинская помощь, оказываемая в местах лишения свободы, может не всегда быть такого уровня, как в лучших медицинских учреждениях для остального населения. Тем не менее органы государственной власти должны гарантировать, что здоровье и благополучие задержанных соответствующим образом охраняются путем, среди прочего, представления им необходимого медицинского обслуживания (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кудла против Польши" (Kudla v. Poland), жалоба N 30210/96, ECHR 2000XI, § 94; см., также Постановление Европейского Суда по делу "Хуртадо против Швейцарии" (Hurtado v. Switzerland) от 28 января 1994 г., Series A, N 280A, заключение Европейской Комиссии, pp. 15 - 16, § 79; Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, ECHR 2002VI, § 95 и 100). В упомянутом выше деле Фарбтуха Европейский Суд отметил, что если органы государственной власти решили задержать и содержать в дальнейшем под стражей (серьезно больного) человека, они должны проявить особую тщательность при гарантировании таких условий содержания под стражей, которые отвечают особых нуждам задержанного лица, вытекающим из его заболеваний (§ 56).

94. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд напоминает, что доказательства из различных медицинских источников подтверждали, что заявитель имел несколько серьезных заболеваний, которые требовали оказания регулярной медицинской помощи. Однако ничто не указывает на то, что его заболевания в принципе были несовместимы с содержанием под стражей. В следственном изоляторе имелась медицинская

часть, куда неоднократно помещался заявитель, и медицинская помощь в связи с заболеваниями заявителя, предположительно, могла быть оказана в этом учреждении.

95. В то же время Европейский Суд ссылается на свои доводы о том, что заявитель не получал необходимой медицинской помощи. Даже находясь в медицинской части следственного изолятора, он явно страдал от физических последствий его заболеваний. Что касается психического состояния, он должен был знать, что в любой момент для него имелся риск чрезвычайной медицинской ситуации с очень серьезными последствиями (для состояния его здоровья) и что отсутствовала возможность получить квалифицированную медицинскую помощь (см. выше § 29 и далее). Администрация следственного изолятора не только отказалась заявителю в соответствующем медицинском обслуживании, но ему также было отказано в возможности получить ее из других источников (см. выше § 27). Эти обстоятельства вызывают существенное беспокойство в этом отношении.

96. Более того, заявитель был ВИЧ-инфицированным и страдал от серьезных психических отклонений. Это увеличивало риск, связанный с любыми болезнями, от которых он страдал во время нахождения под стражей, и усиливало беспокойство заявителя в этом отношении. При таких обстоятельствах отсутствие квалифицированного и своевременного медицинского обслуживания, вдобавок к отказу органов государственной власти в проведении независимого медицинского обследования состояния здоровья заявителя, создавало такое сильное ощущение угрозы, которое в совокупности с физическими страданиями заявителя являлось унижающим достоинство обращением по смыслу Статьи 3 Конвенции.

97. Следовательно, в этом отношении имело место нарушение Статьи 3 Конвенции.

2. Общие условия содержания под стражей

98. В том, что касается жалобы заявителя на общие условия содержания под стражей в следственном изоляторе N 48/1 г. Москвы и в медицинской части этого изолятора, Европейский Суд считает, что ввиду своих выводов на основании Статьи 3 Конвенции относительно отсутствия медицинского обслуживания нет необходимости отдельно рассматривать жалобу на общие условия содержания под стражей.

III. Предполагаемое нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции

99. Заявитель жалуется на то, что продление срока содержания его под стражей в рамках избранной меры пресечения превышало разумные сроки и было необоснованным. Он ссылался в этом отношении на пункт 3 Статьи 5 Конвенции, который гласит:

"Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с

подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи... и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд".

А. Доводы сторон

100. Власти Российской Федерации утверждали, что продление срока содержания заявителя под стражей было необходимым ввиду тяжести обвинений, выдвинутых против него, его личности и риска того, что он может скрыться от следствия и суда. Заявителю было предъявлено обвинение в совершении тяжких преступлений, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок более 13 лет. В первом постановлении о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенном органами следствия 20 октября 1998 г., имелась ссылка на риск того, что заявитель скроется от следствия и суда, а все последующие постановления были косвенно основаны на этом же предположении. Состояние здоровья заявителя было не таким уж тяжелым, чтобы перевесить соображения общественного интереса, требовавшего продления срока содержания заявителя под стражей. Продления срока содержания под стражей заявителя были необходимыми, в частности, чтобы провести экспертизу психического состояния здоровья заявителя. Таким образом, содержание заявителя под стражей в рамках избранной меры пресечения не превышало разумных сроков.

101. Заявитель поддержал свои доводы. Он ответил, что продление срока содержания его под стражей не было необходимым. Не было угрозы того, что он скроется, совершил новые преступления или воспрепятствует ходу следствия, и тяжесть обвинений не могла оправдывать содержание его под стражей. Он болел различными заболеваниями и имел постоянное место жительства и род занятий (он был студентом). Более того, суды не привели каких-либо причин, почему они считали, что существовала такая угроза. Не было и серьезных доказательств его вины, поскольку обвинение основывалось на провокации со стороны сотрудников милиции; не было риска того, что он совершил новые преступления; а нестабильное состояние здоровья заявителя говорило о необходимости его немедленного освобождения из-под стражи. Продление сроков предварительного содержания заявителя под стражей было связано с необходимостью проведения повторных психиатрических экспертиз состояния его психического здоровья.

В. Мнение Европейского Суда

102. Вначале Европейский Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей длилось с 29 октября 1998 г., то есть со дня его задержания, и до 11 ноября 1999 г., когда суд вынес решение по его делу и заявитель был освобожден из-под стражи. Таким образом, общий срок составил один год и

23 дня.

1. Общие принципы

103. Лицо, которому было предъявлено обвинение в совершении преступления, должно быть немедленно освобождено до суда, если только органы государственной власти не представлят "соответствующих и относящихся к делу" причин, обосновывающих продление срока содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу "Вемхофф против Германии" (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968 г., Series A, N 7, § 12; Постановление Европейского Суда по делу "Ягчи и Саргын против Турции" (Yagci and Sagin v. Turkey) от 8 июня 1955 г., Series A, N 319A, § 52).

104. Прецедентное право Конвенции разработало четыре основные принимаемые причины для отказа освобождения под залог: риск, что обвиняемый не явится в суд (см. Постановление Европейского Суда по делу "Штогмюллер против Австрии" (Stogmuller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., Series A, N 9, § 15); риск, что обвиняемый в случае освобождения воспрепятствует отправлению правосудия (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Вемхофф против Германии" (Wemhoff v. Germany), § 14), совершил новые преступления (Постановление Европейского Суда по делу "Мацнеттер против Австрии" (Matznetter v. Austria) от 10 ноября 1969 г., Series A, N 10, § 9) или нарушит общественный порядок (Постановление Европейского Суда по делу "Летелье против Франции" (Letelier v. France) от 26 июня 1991 г., Series A, N 207, § 51).

105. Прежде всего, именно внутригосударственные судебные органы власти должны решить, было ли необходимо в рамках конкретного дела применять к заявителю меру пресечения в виде заключения под стражу (см. Постановление Европейского Суда по делу "Николов против Болгарии" ("Nikolov v. Bulgaria") от 30 января 2003 г., жалоба N 38884/97, § 74). Право Европейского Суда пересматривать решения внутригосударственных судов в этом контексте очень ограничено: только если доводы внутригосударственных органов власти являются произвольными или не имеют фактических обоснований, может вмешаться Европейский Суд и определить, что заключение под стражу было неоправданным.

2. Применение (указанных принципов) к настоящему делу

106. Европейский Суд отмечает, что первоначальное постановление о заключении под стражу от 30 октября 1998 г., вынесенное прокуратурой, основывалось на тяжести обвинений, выдвинутых в отношении заявителя, а также предполагаемом риске того, что заявитель может скрыться от следствия или суда. Однако суды не привели оснований продления срока содержания заявителя под стражей или отклонения ходатайств об освобождении, поданных стороной защиты.

107. Таким образом, Европейский Суд напоминает, что, хотя наличие

обоснованного подозрения является условием *sine qua non* <*> для первоначального заключения под стражу, после истечения определенного срока оно уже не является достаточным (см. в качестве классического примера Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (*Labita v. Italy*), жалоба N 26772/95, ECHR 2000 IV, § 153). Европейский Суд соглашается с тем, что обоснованное подозрение в отношении заявителя могло оправдать первоначальное заключение его под стражу. Однако Европейский Суд напоминает, что тяжесть обвинения не может сама по себе служить основанием продолжительного срока содержания под стражей до суда. Она также не может использоваться для того, чтобы предвосхитить применение к лицу уголовного наказания в виде лишения свободы <**> (см. Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации" (*Rokhлина v. Russia*) от 7 апреля 2005 г., жалоба N 54071/00, § 66; Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации" (*Panchenko v. Russia*) от 8 февраля 2005 г., жалоба N 45100/98, § 102; и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Летелье против Франции" (*Letelier v. France*). В этом отношении Европейский Суд отмечает, что после 30 октября 1998 г. срок содержания заявителя под стражей продлевался несколько раз и составил более одного года. Более того, в декабре 1998 г. следствие было завершено, и дело передано в суд для рассмотрения по существу. По мнению Европейского Суда, при таких обстоятельствах власти Российской Федерации должны были бы привести новые основания для оправдания продления срока содержания заявителя под стражей.

<*> *Sine qua non* (лат.) - обязательный, непременный (прим. переводчика).

<**> Речь идет о том, когда тяжесть предъявленного обвинения, по мнению органов следствия и судов, практически "гарантирует", в случае признания лица виновным, применение к нему в дальнейшем наказания в виде лишения свободы, такое лицо содержится под стражей на основании одной тяжести предъявленного обвинения, а затем этот срок ограничения свободы засчитывается в общий срок лишения свободы по приговору (прим. переводчика).

108. Что касается причин, указанных властями Российской Федерации в своих замечаниях, а именно риск того, что заявитель скроется от следствия или суда, и "личность" заявителя, Европейский Суд напоминает, что именно на основании доводов, приведенных в решениях внутригосударственных судов, и фактов, приведенных заявителем в его жалобах, Европейский Суд должен решить, имело ли место нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Яблонский против Польши" (*Jablonski v. Poland*) от 21 декабря 2000 г., жалоба N 33492/96, § 79). В деле "Илийков против Болгарии" (*Ilijkov v. Bulgaria*) (Постановление Европейского Суда от 26 июля 2001 г., жалоба N 33977/96, § 86) Европейский Суд установил следующее:

"Даже если имелись фактические обстоятельства, которые могли бы оправдать лишение (заявителя) свободы, в решениях судов они не были упомянуты... и задачей Европейского Суда не является установление таких фактических обстоятельств дела и незанятие места внутригосударственных органов власти, которые поместили заявителя под стражу".

Причины заключения заявителя под стражу, на которые ссылались власти Российской Федерации, не были упомянуты в решениях внутригосударственных судов, и Европейский Суд не может согласиться с тем, что такие причины вытекают из обстоятельств дела. С другой стороны, такие факторы, как юный возраст заявителя, его проблемы со здоровьем, отсутствие у него криминального прошлого, наличие у него постоянного места жительства и устойчивых семейных связей, требовали тщательной проверки его ходатайств об освобождении и их анализа в судебных решениях. По-видимому, недостаток доводов можно отнести не к случайному или краткосрочному упущению, а к обычному способу рассмотрения ходатайств об освобождении из-под стражи. На этом основании Европейский Суд приходит к выводу, что предварительное заключение заявителя под стражу на время следствия и суда не базировалось на "соответствующих и достаточных" основаниях.

109. Следовательно, имело место нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции.

IV. Предполагаемое нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции

110. Заявитель жаловался на то, что суды Российской Федерации не рассмотрели "безотлагательно" его ходатайства об освобождении из-под стражи от 21 апреля и 17 сентября 1999 г. Также он заявил, что его жалобы в Московский городской суд от 4 и 7 августа 1999 г. не были рассмотрены. Он ссыпался в этом отношении на пункт 4 Статьи 5 Конвенции, в котором говорится:

"Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...".

А. Доводы сторон

111. В связи с запоздалым рассмотрением ходатайств заявителя об освобождении из-под стражи власти Российской Федерации отметили, что 17 марта 1999 г. суд принял решение о дополнительном экспертно-психиатрическом освидетельствовании заявителя. Производство по делу было, соответственно, приостановлено. Таким образом, ходатайство об освобождении от 21 апреля 1999 г. относится к тому периоду, в течение которого не проводились судебные заседания. Как только суд получил

результаты экспертизы, он назначил дату судебного заседания, на котором рассмотрел ходатайство. То же произошло с ходатайством об освобождении из-под стражи, поданным 17 сентября 1999 г.: это произошло в период, когда суд дождался результатов четвертого судебно-психиатрического освидетельствования в отношении заявителя. Ходатайство от 17 сентября 1999 г. было рассмотрено на следующем судебном заседании 11 ноября 1999 г.

112. Далее власти Российской Федерации утверждали, что в судебном заседании 27 июля 1999 г. защита не подавала никакого ходатайства об освобождении из-под стражи. Ходатайство от 27 июля 1999 г. было на самом деле получено судом 2 августа 1999 г. Что касается ходатайств от 15 и 17 сентября 1999 г., поданных, соответственно, заместителю председателя Московского городского суда и Председателю Верховного Суда Российской Федерации, они были направлены в Бутырский районный суд г. Москвы "в установленном порядке и были приобщены к материалам дела".

113. Относительно предполагаемого бездействия Московского городского суда при рассмотрении жалобы от 30 июля 1999 г. власти Российской Федерации указали, что оно касалось только необходимости провести еще одно экспертное освидетельствование состояния психического здоровья заявителя, но не вопроса о содержании под стражей.

114. Заявитель настаивал на своей жалобе, не представляя, однако, каких-либо относящихся к делу доводов. Он настаивал, что постановление от 27 июля 1999 г. о продлении срока содержания его под стражей было обжаловано в кассационный суд его адвокатом и законными представителями, но их жалоба не была рассмотрена.

B. Мнение Европейского Суда

1. Общие принципы

115. Европейский Суд напоминает, что пункт 4 Статьи 5 Конвенции предусматривает, что "законность заключения под стражу должна быть установлена безотлагательно" (курсив добавлен) <*>. Существуют два аспекта такого требования: во-первых, возможность судебного рассмотрения должна быть представлена сразу после заключения лица под стражу и, если это необходимо, через разумные промежутки времени после заключения под стражу. Во-вторых, к рассмотрению дела необходимо отнестись с должным усердием. Далее, Европейский Суд напоминает, что, когда внутригосударственным законодательством предусмотрена система кассации, кассационный орган должен также отвечать требованиям пункта 4 Статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Граузинис против Литвы" (Grauzinis v. Lithuania) от 10 октября 2000 г., жалоба N 37975/97, § 30 - 32). В частности, это касается безотлагательности рассмотрения кассационным органом решения нижестоящего суда о заключении лиц под стражу.

<*> Выделение курсивом и текст в скобках добавлены Европейским Судом (прим. переводчика).

116. Вопрос о том, было ли соблюдено право лица на "безотлагательное рассмотрение" его ходатайства об освобождении из-под стражи, решается с учетом обстоятельств каждого дела; в сложных делах рассмотрение соответствующего ходатайства будет занимать больше времени, чем в простых делах. В деле "Барановский против Польши" (Baranowski v. Poland) (жалоба N 28358/95, ECHR 2000III) внутригосударственным судам понадобилось пять месяцев, чтобы рассмотреть ходатайство об освобождении из-под стражи. Власти государства-ответчика продемонстрировали, что внутригосударственный суд начал рассмотрение первого ходатайства об освобождении на следующий день после его подачи, и впоследствии суд пять раз откладывал рассмотрение соответствующих ходатайств, потому что необходимо было получить заключения трех экспертов. Однако, несмотря на эти доводы, Европейский Суд установил нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции. В деле "Сэми против Нидерландов" ("Samy v. Netherlands") (Решение Европейского Суда от 4 декабря 2001 г., жалоба N 36499/97) относительно заключения под стражу иностранца с целью экстрадиции, Европейский Суд признал, что 25-дневный срок соответствовал пункту 4 Статьи 5 Конвенции. В то же время по делу "Ребок против Словении" (Rehbock v. Slovenia) (жалоба N 29462/95, ECHR 2000XII, § 85) Европейский Суд установил, что ходатайство об освобождении из-под стражи было рассмотрено через 23 дня после его представления в суд первой инстанции, и это было не "безотлагательное" рассмотрение, как того требует пункт 4 Статьи 5 Конвенции. 17-дневная задержка была признана несоответствующей этому положению (см. Постановление Европейского Суда по делу "Кадем против Мальты" (Kadem v. Malta) от 9 января 2003 г., жалоба N 55263/00, § 43).

2. Применение (указанных принципов) в настоящем деле

а) Относительно задержки в рассмотрении ходатайства об освобождении из-под стражи от 21 апреля 1999 г.

117. Европейский Суд отмечает, что 17 марта 1999 г. Бутырский районный суд г. Москвы вынес решение о том, что заявитель должен был оставаться под стражей до судебного разбирательства. Однако суд не указал причины для дальнейшего содержания заявителя под стражей и не установил конкретный срок содержания под стражей. Далее Европейский Суд отмечает, что из применимого законодательства не следовали никакие ограничения права на пересмотр продления срока содержания под стражей (см. выше § 61): законодательство не устанавливает, как часто суд должен возвращаться к вопросу о содержании обвиняемого под стражей. В принципе защита может подавать столько ходатайств об освобождении, сколько пожелает, если угодно, каждый день. Следовательно, заявитель не располагает четкими

указаниями о том, когда может быть подано новое ходатайство об освобождении из-под стражи.

118. Новое ходатайство было в действительности подано 21 апреля 1999 г., то есть спустя месяц, после того как Бутырский районный суд г. Москвы вынес решение по этому вопросу. В этом ходатайстве заявитель ссылался на свое плохое состояние здоровья. По мнению Европейского Суда, этот довод мог быть рассмотрен как новое обстоятельство, обосновывающее пересмотр вопроса о содержании под стражей (особенно на фоне отсутствия достаточной мотивировки в предшествовавших судебных постановлениях о содержании заявителя под стражей и учитывая, что заявитель выдвигал подлежащее доказыванию требование в этом отношении - смотри выше § 83 и 84). При этих обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу, что заявитель не злоупотребил своим правом на обжалование решения о заключении под стражу и вполне обоснованно мог ожидать, что ответ на его ходатайство об освобождении из-под стражи будет дан в короткий срок.

119. Однако Бутырский районный суд г. Москвы рассмотрел ходатайство об освобождении из-под стражи только на следующем судебном заседании, дата которого была установлена в соответствии с нуждами судебного разбирательства. Более трех месяцев прошло с того момента, когда ходатайство было представлено, до дня, когда оно было рассмотрено в суде. Доводы властей Российской Федерации о том, что не было необходимости проводить судебное заседание до получения результатов медицинского освидетельствования, не убедили Европейский Суд. Возможно, это соображение имело значение для определения срока следующего слушания по делу, но не для рассмотрения ходатайства об освобождении из-под стражи. Власти Российской Федерации не выдвинули никаких других правдоподобных оправданий отсрочки, и нет никаких доказательств того, что заявитель был в какой-либо мере за это ответственен.

120. Европейский Суд приходит к выводу, что рассмотрение ходатайства об освобождении из-под стражи, поданного 21 апреля 1999 г., было ненадлежащим образом затянуто, и что, следовательно, в этом отношении имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции.

b) Относительно задержки в рассмотрении ходатайства об освобождении из-под стражи от 17 сентября 1999 г.

121. Относительно второго ходатайства об освобождении из-под стражи Европейский Суд отмечает, что 27 июля 1999 г. Бутырский районный суд г. Москвы вынес решение о том, что заявитель должен оставаться под стражей. Это постановление также не было обосновано и не устанавливало сроки содержания под стражей. 17 сентября 1999 г. - один месяц и 21 день после вынесения постановления - представитель заявителя подал ходатайство об освобождении из-под стражи в Бутырский районный суд г. Москвы. Оно было рассмотрено спустя один месяц и 24 дня с момента подачи. Ввиду соображений, представленных выше в § 117, Европейский Суд приходит к

выводу, что пересмотр второго ходатайства об освобождении из-под стражи был также ненадлежащим образом затянут. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции в этом отношении.

с) Относительно доступа в кассационный суд

122. В заключение заявитель утверждал, что жалоба на постановление суда от 27 июля 1999 г. относительно продления срока содержания заявителя под стражей не была рассмотрена судом второй инстанции.

123. Европейский Суд отмечает один из доводов властей Российской Федерации о том, что в жалобе, поданной адвокатом заявителя 30 июля 1999 г., не содержалась просьба пересмотреть постановление суда первой инстанции относительно содержания заявителя под стражей. Однако имеющиеся в распоряжении Европейского Суда материалы свидетельствуют об обратном. Действительно, частная жалоба от 30 июля 1999 г. по большей части касалась психического состояния здоровья заявителя. Тем не менее она также касалась содержания заявителя под стражей: в жалобе явно содержалось ходатайство о пересмотре постановления суда первой инстанции о продлении срока содержания заявителя под стражей (см. выше § 17).

124. Европейский Суд напоминает, что в том случае, если внутригосударственное законодательство предусматривает систему кассационного пересмотра, то кассационный орган также должен отвечать требованиям пункта 4 Статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Tot против Австрии" (Toth v. Austria) от 12 декабря 1991 г., Series A, N 224, § 84). Следовательно, нерассмотрение жалобы на постановление от 27 июля 1999 г. составляло нарушение права заявителя на пересмотр законности его содержания под стражу, гарантированное пунктом 4 Статьи 5 Конвенции.

V. Предполагаемое нарушение Статьи 6 Конвенции

125. Заявитель жаловался на несправедливое судебное разбирательство в отношении него. В частности, он утверждал, что был спровоцирован сотрудниками милиции, действовавшими через своего агента Т., к совершению преступлений в виде приобретения и сбыта наркотиков. Он ссылался в этом отношении на статью 6 Конвенции, положения которой в части, применимой к настоящему делу, звучат следующим образом:

"1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты...".

А. Доводы сторон

126. Власти Российской Федерации утверждали, что права заявителя не были нарушены. Они указали на то, что "проверочная закупка" - или, согласно положениям внутригосударственного законодательства, "оперативный эксперимент" - была подходящим методом борьбы с преступностью. Доказательства, полученные с помощью такого "эксперимента", были допустимыми с точки зрения российского законодательства и могли служить основанием для обвинения в совершении преступления. Они также утверждали, что "вопрос о том, какая конкретная информация о незаконных действиях (заявителя) с наркотиками находилась в распоряжении (правоохранительных органов до проведения проверочной закупки), не являлся составной частью доказательства в рамках настоящего уголовного дела". Проверочная закупка проводилась на законном основании, и доказательства, полученные с ее помощью, были надлежащим образом приобщены к материалам дела. Свидетель Т. знала, что заявитель занимался распространением наркотиков. Она согласилась участвовать в проверочной закупке и не оказывала на заявителя давление, чтобы получить от него наркотики.

127. Заявитель настаивал на своих жалобах. Ссылаясь на решение суда от 11 ноября 1999 г., он заявил, что его обвинение было основано исключительно на доказательствах, полученных с помощью проведения "проверочной закупки". Он указал, что внутригосударственное законодательство разрешало (сотрудникам милиции) проводить "эксперименты" только с целью подтверждения уже существующего подозрения в отношении лица, занимающегося преступной деятельностью. Однако в данном деле милиционерская операция была запланирована и проведена без наличия у сотрудников милиции какой-либо информации об осуществлении заявителем преступной деятельности; напротив, у него не было судимости и не было начато предварительное следствие. Заявитель утверждал, что его дело было фактически схоже с делом "Тейшейра де Кастро (против Португалии)" (Teixeira de Castro (v. Portugal)) (Постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998IV), в котором Европейский Суд выявил нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции.

В. Мнение Европейского Суда

1. Общие принципы

128. Вначале Европейский Суд хотел бы подчеркнуть, что он видит сложности, с которыми сталкиваются органы государственной власти в борьбе с тяжкими преступлениями, и необходимость в более усовершенствованных методах расследования, которые иногда требуются в этом контексте. В принципе прецедентное право Европейского Суда не запрещает ссылаться - на

стадии расследования уголовного дела и в случае, если позволяет характер преступного деяния - на доказательства, полученные в результате проведения сотрудниками органов внутренних дел операции под прикрытием (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Люди против Швейцарии" (Ludi v. Switzerland) от 15 июня 1992 г., Series A, N 238). Однако применение агентов под прикрытием должно быть ограничено; сотрудники милиции могут действовать тайно, но не заниматься подстрекательством (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Тейшейра де Кастро (против Португалии)" (Teixeira de Castro (v. Portugal)), § 36).

129. Европейский Суд отмечает, что заявитель был задержан, а впоследствии - осужден в результате проведения операции сотрудниками милиции. Европейский Суд ранее уже рассматривал использование в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных в результате провокации со стороны представителей государственной власти. Так, в упомянутом выше деле "Тейшейра де Кастро (против Португалии)" (Teixeira de Castro (v. Portugal)) сотрудники полиции, выполняющие операцию под прикрытием, предложили заявителю деньги за продажу им героина. Хотя у заявителя не было криминального прошлого, у него имелись контакты, с помощью которых он мог достать наркотики. Соблазнившись деньгами, заявитель принял предложение сотрудников полиции. Впоследствии ему было предъявлено обвинение, и он был осужден за преступление в сфере оборота наркотиков. Чтобы выявить нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции, Европейский Суд провел различие между действиями сотрудников полиции в этом деле от обычных агентов, действующих под прикрытием, которые могут скрывать свои личности в целях получения информации и доказательств преступления без активного подстрекательства лица к совершению такого преступления. Европейский Суд отметил, что "в то время как в связи с ростом организованной преступности, несомненно, требуется принятие соответствующих мер, право на справедливое отправление правосудия, тем не менее, занимает такое значимое место (...), что им нельзя жертвовать в целях выгоды (§ 36). Европейский Суд подчеркнул ряд характерных моментов в этом деле, в частности, тот факт, что вмешательство двух полицейских не являлось частью операции, находившейся под контролем судебных органов, и что у внутригосударственных органов не было достаточных причин, чтобы подозревать заявителя в причастности к торговле наркотиками в прошлом: у него не было криминального прошлого, и не было оснований полагать, что он имел предрасположенность к распространению наркотиков до того, как сотрудники полиции предложили ему сделку (*ibid.* <*>, § 37 - 38).

<*> *Ibid.* (лат.), сокращение от *ibidem* (лат.) - там же (прим. переводчика).

130. Подобным образом в недавнем деле "Ваньян против Российской Федерации" ("Vanyan v. Russia") (Постановление Европейского Суда от 15 декабря 2005 г., жалоба N 53203/99, § 45 - 50) Европейский Суд выявил нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции, вытекавшее из контрольной закупки

наркотиков, которая была приравнена к подстрекательству, и, хотя закупка проводилась частным лицом, действовавшем в качестве агента под прикрытием, она, тем не менее, была эффективно организована и контролировалась сотрудниками милиции.

131. Далее устанавливая соблюдение гарантии "справедливого судебного разбирательства" в делах, когда доказательства, собранные таким способом, не раскрывались стороной обвинения, Европейский Суд сконцентрировал свое внимание на вопросе о том, были ли обвиняемому предоставлены соответствующие процессуальные гарантии (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства" (Edwards and Lewis v. United Kingdom) от 27 октября 2004 г., жалобы N 39647/98 и 40461/98, § 46 - 48).

2. Применение указанных принципов в настоящем деле

132. В своих замечаниях власти Российской Федерации выразили свою точку зрения о том, что вопрос о причастности заявителя к распространению наркотиков в прошлом не имел значения для рассмотрения уголовного дела, в рамках которого заявитель был осужден. Тот факт, что милиционская операция была документально зафиксирована установленным образом, делало эту операцию законным, и, следовательно, вытекающие из нее процедуры были справедливыми.

133. Однако Европейский Суд не может согласиться с этим доводом. Внутригосударственное законодательство не должно позволять использование доказательств, полученных в результате подстрекательства со стороны государственных агентов. Если же оно это позволяет, то тогда внутригосударственное законодательство не отвечает в этом отношении принципу "справедливого разбирательства", как он истолкован в деле Тейшейра де Кастро (против Португалии) (Teixeira de Castro (v. Portugal)) и в последующих делах. На судебном разбирательстве сторона защиты утверждала, что преступления не было бы совершено, если бы оно не было "спровоцировано" сотрудниками милиции. Иначе говоря, заявитель использовал схему "защиты от подстрекательства", которая должны была быть надлежащим образом рассмотрена судом первой инстанции, особенно учитывая то обстоятельство, что в деле содержались определенные *prima facie* *<*>* доказательства факта подстрекательства.

<>* Prima facie (лат.) - очевидный (прим. переводчика).

134. Во-вторых, Европейский Суд отмечает, что у заявителя не было криминального прошлого до его задержания в 1998 году. Информация о том, что заявитель в прошлом занимался распространением наркотиков, была получена из одного источника - Т., информатора сотрудников милиции. Однако неясно, почему Т. решила сотрудничать с правоохранительными органами. Кроме того, она утверждала на судебном разбирательстве, что

обратилась к заявителю, так как на тот момент она не знала, где еще можно было достать героин. Заявитель не получил никакого денежного вознаграждения от покупки героина у Г. и передачи его Т. М. дал показания о том, что никогда ранее не покупал героин у заявителя. Эти факты можно было бы обоснованно истолковать как предположение, что заявитель не являлся торговцем наркотиков, известным сотрудникам правоохранительных органов. Совсем наоборот, по-видимому, милицейская операция была направлена не на поимку лично заявителя, а на любое лицо, которое бы согласилось купить героин для Т.

135. В-третьих, Европейский Суд напоминает, что необходимо устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению следственных мероприятий, так же как и специального контроля, чтобы обеспечить добросовестность со стороны органов государственной власти и соблюдение должных целей со стороны правоохранительных органов (см. Постановление Европейского Суда по делу "Люди против Швейцарии" (Ludi v. Switzerland) от 15 июня 1992 г., Series A, N 238; также см., *mutatis mutandis* <*>; Постановление Европейского Суда по делу "Класс и другие против Германии" (Klass and Others v. Germany) от 6 сентября 1978 г., Series A, N 28, § 52 - 56). В настоящем деле милицейская операция была санкционирована простым административным решением структурного подразделения, которое впоследствии проводило операцию. Как следует из материалов дела, в тексте этого решения содержалось очень мало информации относительно причин и целей запланированной "проверочной закупки". Кроме того, операция не находилась под судебным контролем или каким-либо иным независимым контролем. При отсутствии полной системы проверки во время проводимой операции (см. выше § 60) роль более позднего контроля со стороны суда первой инстанции становится решающей.

<*> *Mutatis mutandis* (лат.) - с соответствующими изменениями (прим. переводчика).

136. Европейский Суд отмечает, что в суде первой инстанции были допрошены только три свидетеля: Т., М. (друг заявителя, присутствовавший при его задержании) и мать заявителя. Сотрудники милиции, проводившие "проверочную закупку", не разу не были допрошены в суде, хотя сторона защиты просила, чтобы их допросили. Также не был допрошен в суде и Г., который продал героин заявителю и был осужден за это. В заключение Европейский Суд особенно поражен тем фактом, что сам заявитель не присутствовал на судебном заседании 11 ноября 1999 г., на котором судья рассматривал события, произошедшие 29 октября 1998 г.

137. В общей сложности, несмотря на то, что в настоящем деле у внутригосударственного суда были причины подозревать, что имела место провокация, суд не проанализировал соответствующие фактические и правовые обстоятельства, которые могли бы помочь провести различие между провокацией и законной формой следственных действий. Следовательно,

судебное разбирательство, в результате которого заявитель был признан виновным, не было "справедливым". Соответственно, имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции.

VI. Применение Статьи 41 Конвенции

138. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устраниния последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

139. Заявитель требовал компенсацию в размере 1300 евро (одна тысяча триста евро) за его медицинское лечение и 15000 евро (пятнадцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда. В подтверждение своего требования о компенсации материального ущерба он представил расчеты его годовых расходов на медицинское обслуживание.

140. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не должен получать какие-либо суммы в соответствии с положениями Статьи 41 Конвенции, так как его утверждения о ненадлежащем обращении были необоснованными. В любом случае это требование было чрезмерным и не было подтверждено. В качестве альтернативы они настаивали на том, что установление факта нарушения было бы достаточной справедливой компенсацией. В отношении материального ущерба, о котором говорил заявитель, власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не доказал, что за ухудшение состояния его здоровья ответственность несли власти Российской Федерации.

141. Относительно якобы причиненного материального ущерба Европейский Суд напоминает, что должна иметь место явная причинно-следственная связь между ущербом, о котором говорит заявитель, и нарушением положений Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании" (Barbera, Messeuge and Jabardo v. Spain) от 13 июня 1994 г., Series A, N 285C, § 16 - 20 (бывшая Статья 50 Конвенции); Постановление Европейского Суда по делу "Берктай против Турции" (Berkay v. Turkey) от 1 марта 2001 г., жалоба N 22493/93, § 215).

142. Европейский Суд установил, что заявитель подвергался бесчеловечному обращению вследствие оказания несоответствующей медицинской помощи в следственном изоляторе. Его состояние здоровья ухудшилось, что принесло ему как физические, так и моральные страдания (см. выше § 83). Однако этот вывод охватывал лишь период содержания заявителя под стражей, а не возможные последствия от ненадлежащего лечения его болезней. Заявитель утверждал, что после его освобождения он

нуждался в постоянном медицинском лечении; в то же время неясно, в какой степени заявленные В.В. Худобиным в этом отношении расходы были связаны с последствиями ненадлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе, а не с имевшимися у заявителя хроническими заболеваниями, за которые власти не могут нести ответственности. При таких обстоятельствах Европейский Суд согласен с доводом властей Российской Федерации о том, что рассматриваемые требования недостаточно обоснованы, и отклоняет их.

143. В том что касается морального вреда, Европейский Суд напоминает, что он установил нарушение прав заявителя, предусмотренных Статьями 3, 5 и 6 Конвенции. В частности, Европейский Суд установил, что во время содержания под стражей заявителю не было предоставлено соответствующее медицинское обслуживание. Этот факт, несомненно, причинял заявителю определенные физические и моральные переживания в течение длительного промежутка времени (больше года). Кроме того, заявитель содержался под стражей без соответствующего обоснования; пересмотр его ходатайств об освобождении из-под стражи занял слишком много времени. Эти факторы также причиняли заявителю страдания и вызывали у него чувство незащищенности. В итоге, заявителю было предъявлено обвинение, его поместили под стражу и затем осудили на основании доказательств, полученных в результате провокации. Ему пришлось прервать свою учебу, и он претерпел другие негативные последствия уголовного преследования, как физические, так и психологические. Все это было усугублено серьезными проблемами со здоровьем заявителя, в частности, его психическими отклонениями и его относительной незрелостью на момент сложившихся обстоятельств. В то же время Европейский Суд отмечает, что, хотя внутригосударственный суд признал заявителя виновным, он освободил его от уголовной ответственности и применил к нему очень мягкую меру (принудительное медицинское лечение).

144. Соответственно, принимая решение на основании принципа справедливости, как этого требует Статья 41 Конвенции, Европейский Суд присуждает заявителю 12000 евро (двенадцать тысяч евро) в этом отношении, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

145. Заявитель потребовал компенсацию в размере 3000 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек. В качестве подтверждения он представил соглашение с Костроминой о защите его интересов в Европейском Суде.

146. Власти Российской Федерации утверждали, что соглашение с Костроминой было подписано отцом заявителя, а не лично заявителем. Кроме того, они особо отметили, что Костромина представляла интересы "В.В. Худобина", а эти инициалы принадлежали также отцу заявителя. В нем не содержалось ссылки на номер дела, поэтому власти Российской Федерации предположили, что это соглашение не имело никакого отношения к настоящей

жалобе.

147. Европейский Суд напоминает, что только законные судебные расходы и издержки, признанные понесенными в действительности и по необходимости, и которые являются разумными по количеству, подлежат компенсации на основании Статьи 41 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу "Сташайтис против Литвы" (Stasaitis v. Lithuania) от 21 марта 2002 г., жалоба N 47679/99, § 102 - 103).

148. Европейский Суд принимает во внимание доводы властей Российской Федерации о том, что соглашение между отцом заявителя и Костроминой не относилось к настоящему делу. Однако как следует из текста соглашения, оно относилось к судопроизводству в Европейском Суде. В списке дел, рассматриваемых Европейским Судом, не было жалобы, поданной отцом заявителя. Более того, как было установлено выше, Костромина представляла интересы заявителя во судах Российской Федерации и в судебном разбирательстве в г. Страсбурге (см. выше § 72 и последующие). Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что соглашение с Костроминой относилось к настоящему делу.

149. Кроме того, все указывает на то, что отец заявителя действовал в лучших интересах заявителя и с подразумеваемого одобрения. В российском законодательстве такая ситуация оценивается как агентский договор (см. выше § 71), и в соответствии со статьей 984 Гражданского кодекса Российской Федерации он может создать законное обязательство заявителя компенсировать суммы, выплаченные отцом заявителя Костроминой. Европейский Суд приходит к выводу, что суммы, причитающиеся Костроминой в соответствии с соглашением, могут быть признаны в качестве судебных расходов заявителя.

150. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с соглашением гонорар, подлежащий выплате Костроминой, составлял 105000 рублей (приблизительно 3050 евро). Учитывая сложность дела, Европейский Суд не считает эту сумму чрезмерной. Следовательно, Европейский Суд присуждает заявителю компенсацию в размере 105000 рублей, включая любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

151. Европейский Суд счел уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

- 1) отклонил предварительные возражения властей Российской Федерации;
- 2) постановил, что в данном деле имело место нарушение Статьи 3

Конвенции в связи с ненадлежащим медицинским лечением заявителя в следственном изоляторе;

3) постановил, что нет необходимости рассматривать отдельно другие жалобы, представленные заявителем в соответствии со Статьей 3 Конвенции;

4) постановил, что в данном деле имело место нарушение пункта 3 Статьи 5 Конвенции;

5) постановил, что в данном деле имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции;

6) постановил, что в данном деле имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции;

7) постановил,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы:

(i) 12000 (двенадцать тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, подлежащие переводу в российские рубли по курсу, установленному на день оплаты;

(ii) 105000 (сто пять тысяч) рублей в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(iii) любые налоги, которые могут быть взысканы с этих сумм;

(b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляется простой процент в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

6) отклонил остальную часть требований заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 26 октября 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель Палаты Суда
ВЕНСЕН БЕРЖЕ

Секретарь Секции Суда
БОШТЬЯН М.ЦУПАНЧИЧ
